

Научная статья
УДК 94(47).081
doi: 10.17223/19988613/98/4

«Дама деликатная, может и обидеться»: экономические стратегии фрейлины Е.Н. Петрищевой во второй половине XIX в.

Мария Алексеевна Долгова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия, mariya.dolgova@hse.ru

Аннотация. Статья посвящена экономической стратегии фрейлины императорского двора Е.Н. Петрищевой в 1860–1870-е гг. по улучшению своего финансового положения за счет участия в неправомерных кредитных соглашениях с займодавцами, искавшими места на гражданской или придворной службе. На основе секретной переписки между Министерством императорского двора и III Отделением С.Е.И.В. Канцелярии проанализированы порядок проведения недобросовестного частного кредитования, мотивации основных участников и решения по установлению виновных. Важное значение в статье отводится реакции императора на действия фрейлины и попытке Министерства императорского двора избежать гласности по этому делу.

Ключевые слова: фрейлина, частный кредит, Министерство императорского двора, III Отделение С.Е.И.В. Канцелярии, 1860-е гг.

Благодарности: Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ. Автор выражает благодарность директору Института региональных исторических исследований Факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ профессору Екатерине Михайловне Болтуновой за ценные комментарии при подготовке статьи.

Для цитирования: Долгова М.А. «Дама деликатная, может и обидеться»: экономические стратегии фрейлины Е.Н. Петрищевой во второй половине XIX в. // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 98. С. 34–43. doi: 10.17223/19988613/98/4

Original article

“Lady is delicate, she may take offense”: economic strategies of lady-in-waiting E.N. Petrishcheva in the second half of the 19th century

Maria A. Dolgova

National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, Russian Federation, mariya.dolgova@hse.ru

Abstract. The 1860s in the Russian Empire are marked by significant changes in all areas of people's lives. These changes were made possible by the new emperor Alexander II (1855–1881) and the reforms he realized. The economic crisis of 1859 and the emergence of new public associations, as well as a new group of society intelligentsia, contributed to the active search for additional financial support, including seeking the benefits of their social position. At this time lady-in-waiting of the imperial court Elizabeth Petrishcheva began her economic activities. Trying at the same time to raise funds and present herself as a mediator between the small bureaucracy and the judicial society, the maiden was forced to take new loans to repay the old ones.

The article examines how Petrishcheva attempted to use her social status as the close one to the emperor and corruption scheme to increase her income. In addition, the paper analyses how the Ministry of the Imperial Court and the royal family reacted to the lady-in-waiting's illegal economic activities. The basis of the research source foundation consists of the office correspondence between the Ministry of the Imperial Court and the Third Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery. The author focuses on the order of illegal credit transactions, identifies the main participants of departmental proceedings on the E. Petrishcheva's activities, examines the decisions of the guilty. The article attaches importance to the emperor's reaction to the lady-in-waiting's actions and the attempt of the Ministry of the Imperial Court to avoid publicity in this case.

As a result of the conducted research, the status of lady-in-waiting was significant and prestigious for persons who not included in the court society. Elizabeth Petrishcheva is a vivid representative of the Great Reforms period: due to the financial crisis she had to look for new ways to provide for herself, trying to monetize her high social status as a lady-in-waiting. The restrained reaction of Emperor Alexander II allowed her to continue receiving loans from private lenders.

Keywords: lady-in-waiting, private loan, Ministry of the Imperial Court, Third Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1860s

Acknowledgements: The reported study was implemented as part of the Basic Research Program at the National Research University “Higher School of Economics” (HSE University). The author is grateful to Professor Ekaterina

Boltunova, Director of the Institute of Russia's Regional History, Faculty of Humanities, National Research University "Higher School of Economics", for her valuable comments during the preparation of the article.

For citation: Dolgova, M.A. (2025) "Lady is delicate, she may take offense": economic strategies of lady-in-waiting E.N. Petrishcheva in the second half of the 19th century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 98. pp. 34–43. doi: 10.17223/19988613/98/4

Введение

В январе 1868 г. в III Отделение С.Е.И.В. Канцелярии поступила жалоба от надворного советника Иосифа Кузьминского на 53-летнюю фрейлину Е.Н. Петрищеву, которая в июле 1867 г. обещала предоставить место управляющего подмосковным имением императрицы селом Ильинским, взяв за это залог 2 700 руб. сер., но по прошествии полугода Кузьминскому не была предложена должность. По мере разбирательства дела обнаружили еще две жалобы на фрейлину и ее посредницу А.Н. Афанасьеву о невыполненном обещанном покровительстве и содействии в карьерном вопросе от отставного статского советника Александра Яковлевича Короткевич-Начовного и двух сестер – вдовы надворного советника Анны Степановой и девицы Александры Никольской [1. Л. 1–2, 33–33 об., 37 об.–38].

Задачи данной статьи – выявление жизненных стратегий по увеличению финансового достатка с использованием социального статуса приближенного ко двору на примере кредитных и коррупционных сделок фрейлины Е.Н. Петрищевой в 1860-е гг. и определение влияния злоупотребления фрейлиной своим положением на репутацию императорского двора.

Эпоха Великих реформ в период с 1855 по 1870-е гг. ознаменовалась большими переменами в Российской империи. Изменения затронули все сферы жизни: экономику, социальную стратификацию (освобождение крестьян и зарождение разночинной интеллигенции), судебную систему, образовательную, а также публичную сферу. В 1860-е гг. в России появляется больше добровольных объединений, прежде всего филантропических, популяризируется журналистика, ведутся разговоры о «женском вопросе» и роли женщины в обществе. Все больше людей интересуются и участвуют в общественном пространстве, зарождается «новое гражданское сознание» [2. С. 283]. Вместе с тем экономическая нестабильность, финансовый кризис 1859 г. после Крымской войны (1853–1856), распространение новой кредитной системы в виде бессрочных облигаций [3] характеризуют время перемен в 1860-е гг. Именно в это время на арене публичности появилась на первый взгляд непримечательная Елизавета Николаевна Петрищева, фрейлина императорского двора, которая стала примером женщины шестидесятых годов, деятельной и субъектной. Ей удалось снова и снова заключать незаконные экономические соглашения, пока Министерство императорского двора пыталось уменьшить возможные негативные последствия ее действий, влиявших на репутацию придворного ведомства и царской семьи. Если ранее скандалы при дворе Николая I были прежде всего личного, любовного характера (Юлия Гауке)¹, то теперь скандал был

связан с правовым преступлением и затрагивал лиц, выходящих за пределы придворного общества.

«О неблаговидной деятельности проживающей в Таврическом дворце фрейлины»

Главной привилегией для незамужних дворянок на должности фрейлины при императорском дворе в XIX в. была возможность приобретения как финансового обеспечения (оклад, столовые деньги, приданое, пенсия)², так и символического капитала [6] (социальный статус, приближенное положение к императорской семье, возможность выбора наиболее выгодной кандидатуры для вступления в брак). Таким образом, является вполне естественным, что в придворной среде один капитал преобразуется в другой: например, служба при дворе фрейлиной повышала шансы дворянки найти выгодную партию – богатого жениха.

Очевидно, что не только внутри двора фрейлин видели как одних из самых близких к императорской семье, но и дворяне, мелкие чиновники, которые не входили в круг придворного высшего общества. Так, например, некоторые дворяне обращались к Екатерине Ивановне Нелидовой за покровительством, зная ее положение фаворитки при дворе императора Павла I. Даже после смерти Павла Нелидова сохранила статус приближенной к императорской семье, а значит, и могла помочь в продвижении по службе [7]. Однако не всякий бюрократ обладал связями, знакомствами с наиболее известными и значимыми лицами при дворе, какими были Е.И. Нелидова или Ю.Ф. Баранова, гофмейстерина и воспитательница дочерей Николая I [8. С. 171]. В таком случае в неформальные сети подключались менее статусные, но не менее амбициозные фрейлины, одной из которых и была Елизавета Николаевна Петрищева³.

Дочь генерал-майора Н.И. Петрищева, участника Отечественной войны 1812 г., Елизавета Николаевна стала фрейлиной в 1835 г. в возрасте 20 лет и до второй половины 1860-х гг. значилась при дворе. В 1855 г. 40-летнюю Елизавету вместе с ее сестрами Еленой и Надеждой, которые придворного звания не получили, император Александр II распорядился поселить в Таврическом дворце и выплачивать столовые деньги в стандартном размере 834 руб. 83 коп. сер. [9. Л. 2–2 об.]. В дополнение Е.Н. Петрищева, как и другие фрейлины, получала денежное вознаграждение (114 руб. 50 коп. сер.) ко дню Св. Пасхи, что было традиционным событием для придворных чинов [10. Л. 10 об.]. Очевидно, что выдаваемых ежегодно денег (менее 1 000 руб. сер.) не могло хватать на все необходимые расходы в жизни фрейлины. Заселение ее с сестрами на жительство в Таврический дворец, который находится на удалении от Зимнего дворца, также показывает исключение семьи

Петрищевых из наиболее приближенных к императорской семье. Однако, находясь в постоянном недостатке денежных средств, Елизавета Петрищева, пользуясь своим социальным положением при дворе, искала и находила новые пути финансового обеспечения, в том числе пользуясь своим должностным положением при проведении кредитных сделок.

Посредницей при заключении соглашений по получению займов между фрейлиной и искомателями должностей была жена отставного коллежского асессора (VIII чин) Александра Николаевна Афанасьева. Ввиду болезненного состояния мужа, который ушел в отставку и получал 114 р. сер. в год, Афанасьева вынуждена была искать новые способы для экономического содержания семьи [11. Л. 27 об.]. Она стала комиссионеркой, занимаясь знакомством лиц, желавших получить или выдать денежные займы. По сравнению с Петрищевой комиссионерка была в более низком положении, как социальном, так и экономическом. Фрейлина получала около 1 000 руб. сер. в год, в то время как семье Афанасьевых официально выдавалась пенсия 114 р. сер. в год. Таким образом, Афанасьева выступала помощницей фрейлины при установлении договоренностей по частному кредиту, а не третьим независимым лицом.

В основном причиной возбуждения разбирательств становились жалобы на взяточников, которые не выполняли свою часть соглашения [12. С. 279], что и произошло в деле фрейлины Петрищевой. При подаче претензии в Министерство императорского двора один из заявителей, А.Я. Короткевич-Начовный, обвинял фрейлину в непредоставлении должности управляющего Казенной палатой и невыплате взятых по векселю 2 300 руб. сер. Однако фрейлина, дабы избежать обращения Короткевича в суд, вернула ему часть задолженности суммой в 200 руб. сер. [1. Л. 72]. Анна Степанова и ее сестра Александра Никольская подали жалобу на Петрищеву за непредоставление должностей камер-юнгферы и кастелянши при дворе цесаревны⁴. По заявлениям Степановой и Никольской, каждой были выданы долговые расписки по 2 000 руб. сер., но по прошествии полугода ни должностей, ни возврата долга не было получено. После расследования оказалось, что только И. Кузьминский выдал всю означенную сумму по векселю сразу, А. Короткевич-Начовный и сестры А. Степанова и А. Никольская предоставили половину тех денег, о которых говорилось в расписках, переданных им от Петрищевой [1. Л. 71 об.–72, 73 об.]. Таким образом, при неимении денег для расплаты с этими кредитами фрейлина создавала новые векселя, продлевая срок оплаты всего займа. В дополнение, выписывая долговые расписки на сумму большую, чем было выдано кредиторами, Петрищева демонстрировала злоупотребления заимодателей в виде повышенного процента (до 100%) по долговым соглашениям [1. Л. 60 об.].

Примечательно, что постановка претензии о непредоставлении должности за денежные средства недвусмысленно показывает коррупционную схему – получение места на гражданской или придворной службе взамен денежной суммы, которая примерно составляет

годовой оклад выбранной должности. И хотя Елизавета Петрищева в расписке оформляла соглашение в виде кредитования и обязывалась вернуть все одолженные деньги с процентами, обычным кредитным договором такие сделки назвать нельзя. Данные дела можно отнести к превышению полномочий для получения личной выгоды: с одной стороны, И. Кузьминский, А.Я. Короткевич-Начовный, А. Степанова и А. Никольская являлись «просителями», которые оплачивали предоставление услуги – должности, с другой стороны, фрейлина Е.Н. Петрищева за счет займа обещала эту услугу предоставить⁵. При этом не имеет значения, оказана услуга или нет, сама оплата должности является предметом взятки [14. С. 9].

По прошествии указанного в долговых расписках времени Петрищева не помогла никому из заявителей в определении на должность. При ответе на высказанные претензии фрейлина оправдывалась тем, что «я, занимая деньги, ограничивалась только одними обещаниями, не опровергая обещаний, которые она [Александра Афанасьева], может быть, без меня давала» [1. Л. 212]. Петрищева считала предложенные деньги кредитом, который она не могла вернуть. Фрейлина заверяла своих кредиторов, что ожидает скорого получения наследства от семейства Апраксиных, которое ей и ее сестрам так и не досталось. В том же 1868 г. Петрищевы пытались получить в собственность часть Апраксина двора, который должен был, по их уверениям, перейти им по наследству. Однако специально организованное совещание при участии чинов II отделения Собственной Его Величества Канцелярии пришло к заключению, что следует отказать трем сестрам в праве владения частью Апраксина двора в Петербурге, с чем согласился и император [15]. Таким образом, единственным способом погашения личных кредитов для фрейлины становились постоянные новые займы, а придворная должность выступала гарантом добросовестности ее как заемщика.

Подавшие претензию на Е.Н. Петрищеву обратились прежде всего в Управу благочиния, где и ведутся разбирательства по задолженностям. Там их уведомили, что статус фрейлины, приближенной к императорской семье, не позволяет изъять имущество Петрищевой в счет уплаты кредитов. По заверениям столоничника Управы благочиния, проживание в Таврическом дворце означает, что все движимое имущество фрейлины является казенным, поэтому продаже не подлежит [1. Л. 69]. Однако по состоянию на январь 1868 г. из содержания Петрищевой 818 руб. 13 коп. сер. уже удерживалось 2/5 части для уплаты 9 кредиторам, из полной суммы задолженности в 4 840 руб. 40 коп. сер. осталось выплатить 2 820 руб. 26 коп. сер. [1. Л. 10–11]. По новым заявлениям фрейлина должна была выплатить еще 3 700 руб. сер. [1. Л. 18 об.]. Такая же процедура выплат задолженностей была принята для офицеров и чиновников. При этом выделения придворных чинов и должностей в отдельную группу в положении «О личном содержании должников, и о вычете долгов из жалованья, пенсионов и аренд» не указано. А значит, придворные, как и военные и гражданские чины, одинаково подчинялись этим указаниям⁶. И действи-

тельно, взимаемая в счет долгов сумма из столовых денег Петрицевой соответствует положению для неженатого чиновника, получающего содержание в любом его виде (не только оклад, но и столовые деньги, пенсия, арендные деньги) от 500 до 1 000 руб. сер. в год [16–18]. Такая ситуация показывает, что фрейлина, жительствующая во дворце, не была защищена от применения к ней Вексельного устава, а наоборот, за свою «крайнюю неумеренность и нерасчетливость» могла потерять придворную должность и впоследствии быть заключена в тюрьму за неуплату личных кредитов [1. Л. 21–21 об.].

Схожесть проведения сделок в этих примерах может говорить о предварительной договоренности между фрейлиной Е.Н. Петрицевой и комиссионеркой А.Н. Афанасьевой. За посреднические услуги Афанасьева брала вознаграждение, однако не оговаривается, в какой сумме и в какой момент совершения сделки. Петрицева, желая предстать в роли жертвы обстоятельства, впоследствии писала в прошении к императору о комиссионерке как об особе, «бравшей всегда себе половину, часто и более» [19. Л. 1 об.]. Афанасьева находила людей, которые могли бы заинтересоваться получением государственной должности, и сообщала им, что она знакома с фрейлиной императрицы, которая может поспособствовать продвижению по службе. Хотя Е.Н. Петрицева не обладала столь значимыми ресурсами и связями, ее статус как человека, близкого к власти, уверял заинтересованных в ее возможностях устроить на любую службу. Если ищущий назначения соглашался на встречу с Петрицевой, то Афанасьева предупреждала его, что нельзя напрямую говорить о получении должности, скорее, о покровительстве, потому как Елизавета Петрицева «дама деликатная, может и обидеться» [1. Л. 61]. То есть в этой процедуре устанавливался особый язык, при котором нельзя было напрямую озвучивать пожелания. Умолчание и неточность высказываний, а также незакрепленные на бумаге слова о покровительстве позволяли фрейлине обезопасить себя не только от взыскания при нарушении этой части устного договора, но и от обвинений во взяточничестве.

Далее Петрицева предлагала просителям вручить ей сумму денег (приблизительно годовой оклад по запрашиваемой позиции), чтобы отдать их вышестоящему лицу для получения должности. При предоставлении означенного места, по заверениям фрейлины, деньги должны были бы вернуться в полном размере. Тут же фрейлина предлагала подписать долговую расписку на занимаемую сумму как гарантию для получения должности или возврата денег в случае отказа от предложенной кандидатуры. При выписке векселя устанавливался срок, в течение которого проситель мог получить возврат денежных средств. По прошествии этого периода ни Петрицева, ни Афанасьева больше не принимали этого заявителя. Стоит отметить, что в расписке указывалась сумма, в два раза большая, чем было дано денег при обсуждении договоренностей. Завышение в векселе суммы долговых обязательств являлось типичной практикой для частного кредита⁷. В России были запрещены чрезмерные

проценты за кредит, поэтому заимодавцы ставили в расписке не процент выше, а всю сумму выше, при этом в долг заемщик получал меньшую сумму. Таким образом, на бумаге процент поставлен согласно закону, а по факту заемщик должен вернуть значительно большую сумму, чем он запрашивал [20. С. 110]. В случае с долговыми расписками Петрицевой процент не прописывался, но задолженность была значительно выше, чем сумма отданных денег под заем. Именно поэтому заявители подавали жалобу на фрейлину частным порядком в III Отделение С.Е.И.В. Канцелярии и в Министерство императорского двора, а не через Окружной суд, так как и сами рисковали стать виновными в проведении незаконной экономической сделки.

Дело фрейлины было особым, вся переписка между III Отделением и Министерством императорского двора велась конфиденциально, даже после завершения разбирательства некоторые сведения о Петрицевой оставались секретными. Окончательное решение по дальнейшей судьбе ответчиков принимал сам император.

Важно отметить разных действующих акторов в этом случае и их мотивацию: заявители-кредиторы, сама фрейлина Е.Н. Петрицева, посредница А.Н. Афанасьева, глава III Отделения С.Е.И.В. Канцелярии П.А. Шувалов и министры императорского двора В.Ф. Адлерберг (1852–1870) и А.В. Адлерберг (1870–1881). Для заявителей важным являлось неосуществление продвижения по карьерному пути и возмещения долга. Елизавета Петрицева заявляла, что это было финансовой сделкой получения ею кредита под большие проценты от частных лиц. Афанасьева предоставляла посреднические услуги, знакомя заинтересованных в получении кредита, с одной стороны, и покровительстве – с другой, и выступала в качестве поручителя за потенциальных участников транзакции [20. С. 420]. Для Министерства императорского двора было важно избежать огласки дела, которое могло негативно повлиять на репутацию придворного общества. III Отделение во главе с графом Шуваловым ставило главной задачей поиск и наказание виновного, учитывая при этом мнение Министерства императорского двора и самого монарха.

Предварительное расследование, проведенное под наблюдением Санкт-Петербургского губернского жандармского управления в марте 1868 г., показало, что Петрицева через посредничество Афанасьевой распространяла слухи о том, что положение фрейлины и ее связи позволяют помогать в назначении на должность. Уверенности в благонадежности намерений Петрицевой добавляло то, что она проживала в Таврическом дворце, царской резиденции. Поэтому П.А. Шуваловым, начальником III Отделения С.Е.И.В. Канцелярии, было предложено лишить фрейлину такого преимущества, т.е. уволить с придворной должности [1. Л. 14–15].

«Драма эта составляет дело Придворной или, как говорят, Дворской интриги»

Выводы губернского жандармского управления по экономическим деяниям Е.Н. Петрицевой, согласно которым фрейлина представлялась виновной в недоб-

росовестных кредитных соглашениях и во вредительстве престижу императорского двора (распространение слухов среди мелких чиновников), очевидно, не устроили императора. Поэтому летом 1868 г. Александр II распорядился провести повторное секретное расследование под предводительством юристконсультанта Министерства императорского двора Вельдбрехта совместно с состоящим для особых поручений при Шефе Жандармов гвардии полковником Никифораки. Именно во время этого расследования меняется оптика на финансовые операции фрейлины с частными кредиторами. Таким образом, можно отметить пространяемую траекторию аргументов юристконсультанта, согласно которой фрейлина является не главной обвиняемой в незаконных экономических сделках и попытке продажи гражданских и придворных должностей, а пострадавшей от действий комиссионерки А.Н. Афанасьевой, избалованной «в противозаконных и предосудительных поступках, соединенных с предумышленным обманом» [1. Л. 24].

Министерство императорского двора стремилось исключить любое общественное обсуждение неблагоприятных поступков фрейлины, а потому предлагался временный перевод ее на жительство в ту губернию, где судебная реформа еще не была проведена, чтобы судебный процесс шел в закрытом режиме, без доступа публики [1. Л. 89]⁸. Именно в этот момент, в сентябре 1868 г., Е.Н. Петрищева в сопровождении сестры Елены пыталась не только выехать за пределы столицы, но и вовсе отправиться за границу на четыре месяца в отпуск. Однако фрейлине не удалось покинуть Петербург согласно ее «исключительному положению», так как она находилась под подпиской о невыезде из города. Елена Петрищева беспрепятственно получила в декабре того же года высочайшее дозволение на поездку за пределы империи с выдачей аванса за 4 месяца вперед [22].

Идея об отправлении фрейлины на жительство в другую губернию так и не была воплощена. Во-первых, при желании заявителей привлечь Петрищеву к ответственности судебное расследование будет проводиться на месте содеянного, т.е. в столице. Во-вторых, сохранение придворной должности даже в провинции даст возможность фрейлине продолжать свои действия по получению денежных сумм взамен на мнимые места в министерской или придворной структуре. Поэтому согласно секретному договору между министрами императорского двора и юстиции, а также главой III Отделения было решено «оставить это дело в настоящем положении, впредь до решения здешнего Окружного суда, в котором уже возникло производство по некоторым долговым претензиям к Г^{жс} Петрищевой» [1. Л. 26–26 об.].

Для Министерства императорского двора Е. Петрищева была «неразумною жертвою запутанных своих денежных обстоятельств» [1. Л. 81 об.–82]. Схожая характеристика виктимности была дана и небезызвестной Вере Засулич, которая предстала перед судом в результате попытки убийства петербургского градоначальника Ф.Ф. Трепова [23]. Такие определения ответчиц как «жертв» могут говорить и об особой ген-

дерной стратегии защиты, ведь в итоге в одном и другом деле обвиняемым удалось избежать наказания. Эти примеры отражают общее отношение к женщинам в 1860–1870-е гг., особенно в среде интеллигенции. Например, Н.Г. Чернышевский, написавший прогрессивный роман «Что делать?» в 1862–1863 гг., видел образ женщины как жертвы социальной несправедливости [24. С. 51]⁹.

Однако не всех женщин-ответчиц виктимизировали. Комиссионерке Александре Афанасьевой повезло значительно меньше, чем фрейлине Елизавете Петрищевой. А значит, в попытке найти виновного жандармерией и Министром императорского двора учитывался не только гендерный, но и социальный аспект. Во время проведения повторного тайного разбирательства юристконсультантом Вельдбрехтом и полковником Никифораки Афанасьева предстала главной подозреваемой в недобросовестных сделках по векселям между фрейлиной и заявителями-кредиторами. Во время тайных дознаний и очных ставок с участием Петрищевой, Афанасьевой и заявителями, посредница выглядела менее убедительной¹⁰, в то время как фрейлина отрицала все заявления, обращенные к ней. Петрищева указывала, что брала деньги в кредит, не обязуясь способствовать заинтересованному в предоставлении места, но «опровергать обещания Афанасьевой ей было как-то неловко» [1. Л. 73 об.–74]. Поэтому, по словам Петрищевой, именно Афанасьева ввела в заблуждение всех причастных. Эта перемена в позиции от равнозначной ответственности Петрищевой и Афанасьевой к дифференциации виновности зафиксирована в переписке в августе 1868 г. графа П.А. Шувалова, главы III Отделения, с министром императорского двора В.Ф. Адлербергом: «В этих предосудительных деяниях, соединенных с предумышленным обманом, избаловывается лишь одна Афанасьева». При этом Шуваловой признавалась и виновность Петрищевой, но в значительно меньшей степени: «Своим легкомысленным образом действий, молчанием и не разъяснением сущности дела поддерживала в умах многих лиц надежду на осуществление их неблагоприятных целей» [1. Л. 88 об.]. Здесь могли сыграть роль не только мотивы подозреваемых, но и социальный статус обвиняемых, так как Петрищева имела защиту как фрейлина императорского двора. Афанасьева же, жена отставного коллежского асессора, стояла значительно ниже в социальной иерархии по сравнению с фрейлиной императрицы. Такое распределение виновности подтверждает тезис о лояльности правителей к участию придворных чинов и должностей в неформальных сетях патронажа [25. С. 79], чего нельзя сказать о таком же отношении к лицам, исключенным из круга приближенных к трону.

Афанасьева оказалась самым незащищенным лицом. Ее, мать 5 детей, кормилицу семьи, беременную и болевшую эпилепсией, по высочайшему повелению отправили в ссылку в Вятку. Обстоятельства поспешной отправки комиссионерки за пределы столицы демонстрируют, с одной стороны, безукоризненность выполнения полицейскими «секретного Высочайшего повеления», не терпящего промедления, а с другой – несоразмерность преступления и наказания. На сто-

роне защиты Афанасьевой и представителем общест­венности выступил ее муж, отставной коллежский асессор Логин Иванович Афанасьев. На протяжении двух лет он писал в Министерство императорского двора, наследнику-цесаревичу и императору о неза­конности этого решения, о болезни жены – «болезнен­ные припадки... продолжают сряду по шести часов, чуть не каждый день» (здесь и далее подчеркивания – согласно источнику. – М.Д.) – и о возможности разре­шить ей вернуться в Петербург [11. Л. 27–36 об., 43–44, 48–49]. Интересно, что Л.И. Афанасьев подавал свои прошения на главные религиозные праздники, Рождество и Пасху, что было традиционным временем для помилования заключенных и выкупа должников из тюрьмы [20. С. 361, 382].

Обращает на себя внимание то, как Афанасьев был подготовлен юридически. В своих прошениях об осво­бождении жены он апеллировал к уголовному судопроизводству, показывая незаконность отправки бере­менной комиссионерки в ссылку¹¹: «Разбор дела и са­мый суд произведены тайно; где и кем? – также тайна; в чем обвинена жена моя – тоже тайна!» Задаваясь вопросом, «справедливо ли мое сомнение о возможно­сти столь жестокого и противозаконного Монаршего повеления», Афанасьев признает главенство суда над императорской властью, согласно новым судебным уставам [11. Л. 31–34]. В заключение в прошении к великому князю отставной коллежский асессор при­ходит к выводу, что «драма эта составляет дело При­дворной или, как говорят, Дворской интриги, и что в ней жена моя принесена в жертву только для спасения фрейлины Петрицевой» [11. Л. 35]. Эта мысль была недалеко от сути, хотя явно в конфиденциальной пе­реписке между министром императорского двора и главой III Отделения С.Е.И.В. Канцелярии такая моти­вация не прописывалась. Однако этот аргумент объяс­няет медлительность принятия решения III Отделени­ем о возвращении Афанасьевой из ссылки. Только спустя два года, в сентябре 1870 г., комиссионерка получила высочайшее разрешение на переселение из Вятки в Калугу [11. Л. 52–52 об.]. Еще через год А.Н. Афанасьева смогла вернуться к семье в Санкт-Петербург, продолжая находиться под негласным по­лицейским надзором [11. Л. 114–114 об.].

И. Кузьминский, А.Я. Короткевич-Начовный, А. Сте­панова и А. Никольская так и не подали свои претен­зии в суд для окончательного урегулирования. Однако в ноябре 1868 г. в суде было заслушано дело по заяв­лению князя Амилахвари на фрейлину Петрицеву за неуплату личного кредита суммой 1 040 руб. сер. По­становлением стало личное задержание фрейлины сроком до 6 месяцев, которое не было исполнено. Для реализации приговора судебный пристав спрашивал у Придворной Канторы, нет ли с их стороны возраже­ний в исполнении решения суда, однако ответа не по­следовало [1. Л. 164–164 об.]. Именно после этого су­дебного дела в феврале 1869 г., т.е. после обнародова­ния решения суда в «Судебном вестнике», император Александр II повелел отстранить от должности фрей­лину Елизавету Петрицеву, а следовательно, и лишить выплаты столовых денег [1. Л. 156, 165.]. В апреле

этого года министр императорского двора В.Ф. Ад­лерберг для возмещения всех задолженностей просил императора сохранить проживание в Таврическом дворце и денежное обеспечение Петрицевой, но выда­вать его негласным образом на имя сестры Елены [1. Л. 175–176 об.]. Так Елизавета Петрицева, хоть и ли­шилась придворной должности, которая повышала ее социальное положение, но продолжила жить в царской резиденции и получать фрейлинское пособие.

Несколькими годами позже, в 1870-х гг., в Москве проходило судебное дело над игуменьей Митрофани­ей, приближенной к императорской семье. Она была обвинена в финансовых манипуляциях, а именно под­делке векселей на крупные суммы¹². Интересно отме­тить, что в миру Митрофания (Прасковья Григорьевна Розен) была назначена фрейлиной в 1839 г. и остава­лась на придворной должности вплоть до ухода в мо­настырь в 1852 г. Таким образом, Розен и Петрицева одновременно находились при дворе более 10 лет. Митрофания, как и Петрицева, видела себя посредни­ком между нижестоящими мелкими чиновниками и представителями императорского двора. Однако в от­личие от Елизаветы Петрицевой дело игуменьи про­водилось в суде в Москве гласно и с коллегией при­сяжных. Митрофания предстала как духовное лицо, которое судили по светскому делу [27. Р. 96].

Такая разница в освещении разбирательств эконо­мических махинаций Петрицевой и игуменьи Митро­фании может объясняться несколькими причинами. Во-первых, различной суммой задолженностей: если фрейлина должна была выплатить до 100 тыс. руб. сер. за все свои незакрытые сделки по займам, то в деле игуменьи говорить о более чем 1 млн руб. сер., что является значительно большей суммой [1. Л. 79; 27. Р. 97]. Во-вторых, четыре представленных заявителя на фрейлину так и не решились обратиться в суд для возмещения займов, которые являлись частью корруп­ционной схемы. По делу Митрофании купец Лебедев первым из истцов подал жалобу в Окружной суд за подделку игуменьей векселя на сумму 22 тыс. руб. сер. [27. Р. 95]. В-третьих, новая судебная система за почти 10 лет сформировалась в столичных городах, Петер­бурге и Москве, поэтому судебного разбирательства Митрофании избежать не удалось.

Однако особое внимание стоит уделить реакции царской семьи, которая, несмотря на близкие отноше­ния с П.Г. Розен (Митрофанией), публично по этому делу никак не высказалась, оставляя главенство в су­дебных разбирательствах за законом, хотя и впослед­ствии тайно приговор был смягчен монархом¹³. Таким образом, реакция императорской семьи была схожа в одном и другом случае: предпринимались меры по недопущению гласности, а также смягчению решения суда императорским повелением.

Примечательно, что фрейлина Петрицева проявля­ла свою активную позицию по денежному вопросу как до судебного разбирательства, так и после его завер­шения. Так, в 1862 г. Петрицева получила 3 000 руб. сер. безвозвратно для оплаты задолженностей [1. Л. 17–17 об.]. В 1866 г. «совершенно негласным образом» фрейлине было выдано 5 000 руб. сер. в ссуду без про-

центов с возвратом для уплаты долгов. Однако спустя десять лет Канцелярия его императорского величества так и не получила обратно денег, кроме 644 руб. 94½ коп. сер., которые вернули в казну по результатам продажи имений в Тульской и Калужской губерниях через суд. Император же постановил «сложить со счетов» оставшуюся сумму 4 355 руб. 5½ коп. сер. и повелел впредь не спрашивать особого разрешения, а только упоминать такие суммы в годовом отчете Контроля Министерства императорского двора [28. Л. 2–5].

В 1868 г., воспользовавшись ремонтом, проводившимся в Таврическом дворце, фрейлина обратилась к министру императорского двора графу В.Ф. Адлербергу с просьбой переселиться в бывшие покои императора Александра Павловича и императрицы Елизаветы Алексеевны или любые ближайшие комнаты на нижнем этаже (нижний этаж дворца считался более престижным). Однако ремонт в комнате фрейлины был произведен в 1865–1866 гг. и не обошелся без инцидента. В 1865 г. были утверждены работы по комнате Елизаветы Петрицевой на 200 руб. сер. Когда подрядчик Петров пришел к фрейлине, то последняя заявила, что работы произведены ею самой, а потому ей необходима оплата ремонта в ранее указанном размере. Петров же произвел замеры и подсчитал, что работ было выполнено на 122 руб. сер. Эту сумму и выдала Придворная контора фрейлине, а оставшиеся работы было решено продолжить в следующем году тем же подрядчиком. Очевидно, что таким образом Елизавета Петрицева пыталась присвоить себе денежную разницу между предварительной суммой и денежными средствами, затраченными ею на ремонтные работы. Спустя два года ремонт планировался не в комнате Е.Н. Петрицевой, а в квартире ее сестер, девиц Елены и Надежды, проживавших на верхнем этаже дворца. Следовательно, министром императорского двора Адлербергом было решено на время ремонта переселить сестер поближе к комнатам фрейлины, а покои августейшей семьи оставить нетронутыми [29].

Заключение

После окончания разбирательств и увольнения Е.Н. Петрицева испрашивала высочайшего разрешения о возвращении на придворную должность в 1872 г. [19], а в последующие два года просила о повышении содержания, которое она получала от Министерства императорского двора негласным образом через сестру Елену в прежнем размере [30, 31]. Однако император оставил запросы бывшей фрейлины без удовлетворения.

Хотя Петрицевой и удалось сохранить свое место в Таврическом дворце рядом с сестрами, а также получать пенсион и единовременные пособия (в несколько меньшей сумме) [30. Л. 3–4], эти меры не предостерегли ее от последующего участия в сделках по частному кредиту. Однако договоренности о содействии в продвижении по карьерной лестнице больше не использовались в долговых соглашениях. Так, в 1876 г. бывшая фрейлина заняла 700 руб. сер. у артистки императорских театров М.И. Павловской. Последняя, нуждавшаяся в денежных средствах, решила

вернуть долг через суд в 1882 г. Хотя Петрицева получала свой пенсион неофициально, в Дирекции театров об этой конфиденциальной выплате знали. Дирекция уведомила Павловскую о том, что она сможет получить возврат заемной суммы через списание части из пособия, выдаваемого Петрицевой [32. Л. 1–6].

В 1876 г. бывшая фрейлина Елизавета Петрицева в возрасте 61 года снова была на грани потери личной свободы. Почетный гражданин Николай Иванович Аmani подал на Петрицеву иск в суд за неуплату по долговому обязательству 1 041 р. 66 коп. сер. По результатам этого дела Е.Н. Петрицевой назначили личное задержание на 6 месяцев [33. Л. 1]. Это решение суда не было вовремя произведено, а в 1879 г. и вовсе отменено. Сначала Министерство императорского двора на основании ухудшающегося здоровья бывшей фрейлины не заключило ее под арест в Таврическом дворце [33. Л. 9–12]¹⁴. Затем 7 марта 1879 г. император издал указ Правительствующему Сенату: «1, личное задержание как способ взыскания с неисправных должников отменить во всей Империи, за исключением губерний Прибалтийских и Царства Польского. 2, действие статьи 1й сего указа распространить и на гражданские взыскания, возникшие до издания оного, хотя бы состоявшиеся по ним определения и постановления о личном задержании должников были приведены в исполнение» [33. Л. 15 об.]. Петрицевой удалось избежать личного заключения. Нельзя сказать, что император опирался именно на этот казус, но данное решение однозначно помогло бывшей фрейлине остаться на свободе.

Таким образом, Петрицева является лицом своего времени, эпохи перемен. Хотя фрейлиной она была назначена в 1835 г., никаких сведений в делопроизводстве Министерства императорского двора вплоть до 1855 г. о ней нет. Финансовыми займами Петрицева начала заниматься именно в 1860-е гг., на что могли повлиять экономический кризис 1859 г., «дух свободы» в эпоху Великих реформ и смена правителя. Несмотря на проведение Великих реформ, благодаря которым придворные интриги, протекция и взяточничество утратили свое значение [25. С. 81–82], на примере дела фрейлины Елизаветы Петрицевой можно заметить, что в среде мелкого чиновничества и горожан такие методы продвижения по службе, как взяточничество и неформальные связи, все еще имели место во второй половине XIX в.

Попытка фрейлины получить финансовую выгоду благодаря своему положению при дворе за счет согласия покровительствовать низшим чинам, говорит о том, что статус фрейлины при императрице был в глазах мелких чиновников и отдаленных от императорского двора довольно престижным, достаточным для того, чтобы иметь значение в решении кадровых вопросов. Фрейлина Е.Н. Петрицева пыталась монетизировать свой символический капитал, статусность не только через получение столовых денег, но и через должностное злоупотребление при составлении кредитных соглашений.

Казус Петрицевой символизирует новый тип скандалов при дворе: теперь не только любовные драмы разгораются во дворцах, но и вполне приземленные

экономические неурядицы. Этот прецедент также показывает перемену в настроении императорской семьи. Если при Николае I принц Александр Гессен-Дармштадтский, брат Марии Александровны, и Юлия Гауке были высланы из страны за их любовный союз, то Елизавета Петрицева при Александре II оставалась в монаршей резиденции с сохранением содержания даже после признания ее виновной в неуплате задолженностей. Император помогал как финансово, предоставляя беспроцентные ссуды для оплаты кредитов, а потом списание всех недоимок, так и юридически, оставляя без исполнения судебное решение, затем и

вовсе изменив законодательство по долговым обязательствам. Такое отношение и минимальное наказание со стороны императора в виде отстранения от должности оказалось недостаточным для прекращения Петрицевой поиска новых займов с целью закрыть предыдущие задолженности. Действия министра императорского двора по защите Елизаветы Петрицевой и тем самым минимизации негативных последствий для престижа императорской семьи привели к тому, что, оставаясь при дворе, бывшая фрейлина продолжила участвовать в кредитных соглашениях, условия которых она не могла выполнить.

Примечания

¹ Подробнее о скандалах, связанных с любовными отношениями фрейлин, см.: [4. С. 579–596].

² Подробнее о финансовом обеспечении фрейлин при дворе см.: [5].

³ Впервые на казус Е.Н. Петрицевой обратил внимание историк И.В. Зимин [4. С. 640–641].

⁴ Видимо, речь идет о Марии Федоровне, жене великого князя Александра Александровича.

⁵ Более подробно о коррупции в Российской империи XIX в. см.: [13].

⁶ В других экономических аспектах положение гражданских и придворных чинов было аналогичным. Например, составные части содержания за службу совпадали и выдавались в виде оклада, столовых денег, оплаты за аренду или предоставление квартиры для проживания. [5. С. 89].

⁷ Более подробно о разных видах частного кредитования в Российской империи в XIX в. см.: [20].

⁸ К 1868 г. новая судебная система была введена только в крайне ограниченном числе губерний: Петербургской, Новгородской, Псковской, Московской, Владимирской, Калужской, Рязанской, Тверской, Тульской, Ярославской, Харьковской, Курской, Воронежской, Орловской [21. С. 202–204].

⁹ Неизвестно, читала ли Е.Н. Петрицева этот роман, но своим активным участием в экономической и социальной сфере жизни представляет себя женщиной новой эпохи 1860-х гг., чего нельзя сказать о ее сестрах. Такое смирение Елены и Надежды может объясняться тем, что они не обладали формализованным статусом при дворе, в отличие от своей сестры Елизаветы. Александру Афанасьеву также можно охарактеризовать женщиной нового времени, так как после увольнения ее мужа она решила самостоятельно заняться финансовым обеспечением семьи и стала комиссионеркой.

¹⁰ Мучащие Афанасьеву припадки и, как следствие, потеря ею сознания вменялись комиссионерке как признак ее виновности в преступной деятельности [1. Л. 61–61 об., 75, 83–83 об.].

¹¹ Согласно ст. 959 Судебного устава уголовного судопроизводства немедленное исполнение наказания откладывается при болезни, препятствующей исполнению приговора, и при беременности. А. Афанасьева болела эпилепсией, что не раз было зафиксировано в деле, а также на момент ее задержания была беременной [26. С. 116].

¹² Более подробно о судебном деле игуменьи Митрофании в 1874 г. см.: [27. Р. 95–120].

¹³ Игуменья была приговорена к лишению сана, ссылке в Енисейскую губернию на три года, а после на 11 лет в другие губернии. Однако после смягчения приговора Митрофания провела остаток жизни в монастырях южных губерний [27. Р. 104–105].

¹⁴ Стоит отметить, что болезненное состояние А.Н. Афанасьевой не послужило препятствием для ее срочной отправки в ссылку. Петрицева, хоть и не была одной из близких к императрице фрейлин, формально входила в элитарную группу приближенных, и поэтому она могла надеяться на снисхождение со стороны монарха.

Список источников

1. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 472. Оп. 6. Д. 67.
2. Линденмейер А. Добровольные благотворительные общества в эпоху Великих реформ // Великие реформы в России / под ред. Л.Г. Захаровой, Б. Эклофа, Дж. Бушнелла. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1992. С. 283–300.
3. Хок С. Банковский кризис, крестьянская реформа и выкупная операция в России. 1857–1861 // Великие реформы в России / под ред. Л.Г. Захаровой, Б. Эклофа, Дж. Бушнелла. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1992. С. 90–105.
4. Зимин И.В. Люди Зимнего дворца. Монаршие особы, их фавориты и слуги. М.: Центрполиграф, 2014. 718 с.
5. Долгова М.А. «Везде должна по мелочам»: экономическое положение фрейлин при дворе Николая I // Вестник Пермского университета. 2024. № 1 (64). С. 83–92.
6. Бурдые П. Формы капитала / пер. М.С. Добряковой; ред. В.В. Радаев // Экономическая социология. 2002. Т. 3, № 5. С. 60–74.
7. РГИА. Ф. 1003. Оп. 1. Д. 78.
8. Сафронова Ю. Милость «вне установленного порядка»: стратегии просителей и ответ чиновника (на примере Министерства императорского двора. 1856–1861) // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2019. Т. 3, № 2. С. 158–188.
9. РГИА. Ф. 469. Оп. 8. Д. 1423.
10. РГИА. Ф. 472. Оп. 36 (235/1251). Д. 35.
11. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 109. Оп. 1868. Хр. 37.
12. Муравлев П.С. Феномен коррупции в законодательстве и восприятии российского дворянства второй половины XVIII – первой четверти XIX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. История России. 2022. Т. 21, № 2. С. 275–287.
13. Шаттенберг С. Культура коррупции, или К истории российских чиновников / авториз. пер. с нем. М.Г. // Неприкосновенный запас. 2005. Т. 42, № 4. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/4/kultura-korrupczii-ili-k-istorii-rossijskih-chinovnikov.html?ysclid=m45scrmhby892444100> (дата обращения: 10.01.2025).
14. Корчмина Е.С. «В честь взятки не давать»: «почесть» и «взятка» в послепетровской России // Российская история. 2015. № 2. С. 3–13.
15. РГИА. Ф. 472. Оп. 6. Д. 74.
16. Свод законов Российской империи. СПб.: Тип. Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии. 1857. Том 10, ч. II: Законы о судопроизводстве и взысканиях гражданских. № 2225.
17. Свод законов Российской империи. СПб.: Тип. Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии. 1857. Том 10, ч. II: Законы о судопроизводстве и взысканиях гражданских. № 2229.
18. Свод законов Российской империи. СПб.: Тип. Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии. 1857. Том 10, ч. II: Законы о судопроизводстве и взысканиях гражданских. № 2230.

19. РГИА. Ф. 472. Оп. 7. Д. 153.
20. Антонов С. Банкроты и ростовщики Российской империи : долг, собственность и право во времена Толстого и Достоевского. М. : Новое литературное обозрение, 2022. 504 с.
21. Виленский Б.В. Судебная реформа и контрреформа в России / Саратов. юрид. ин-т им. Д.И. Курского. Саратов : Приволж. кн. изд-во, 1969. 400 с.
22. РГИА. Ф. 472. Оп. 6. Д. 77.
23. Borisova T. Public Meaning of the Zasluch Trial 1878: Law, Politics and Gender // *Russian History*. 2016. Vol. 43 (4). P. 221–244.
24. Паперно И.Б. Семантика поведения: Николай Чернышевский – человек эпохи реализма. М. : Новое литературное обозрение, 1996. 207 с.
25. Баберовски Й. Доверие через присутствие. Домодерные практики власти в поздней Российской империи / пер. с нем. А. Каплуновского // *Ab Imperio*. 2008. № 3. С. 71–95.
26. Устав уголовного судопроизводства // Судебные уставы 20 ноября 1864 года. 1864. С. 116. Ст. 959.
27. Dahlke S., Templer B. Old Russia in the dock. The trial against Mother Superior Mitrofaniia before the Moscow district court (1874) // *Cahiers du Monde Russe*. 2012. № 53/1. P. 95–120.
28. РГИА. Ф. 472. Оп. 7. Д. 557.
29. РГИА. Ф. 472. Оп. 10. Д. 6.
30. РГИА. Ф. 472. Оп. 7. Д. 323.
31. РГИА. Ф. 472. Оп. 7. Д. 420.
32. РГИА. Ф. 472. Оп. 25 (390/1910). Д. 112.
33. РГИА. Ф. 472. Оп. 7. Д. 793.

References

1. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 472. List 6. File 67.
2. Lindenmeyer, A. (1992) Dobrovol'nye blagotvoritel'nye obshchestva v epokhu Velikikh reform [Voluntary Charitable Societies in the Era of the Great Reforms]. In: Zakharova, L.G., Eklof, B. & Bushnell, G. (eds) *Velikie reformy v Rossii* [The Great Reforms in Russia]. Moscow: Moscow State University. pp. 283–300.
3. Hawk, S. (1992) Bankovskiy krizis, krest'yanskaya reforma i vykupnaya operatsiya v Rossii. 1857–1861 [The Banking Crisis, Peasant Reform, and Redemption Operation in Russia. 1857–1861]. In: Zakharova, L.G., Eklof, B. & Bushnell, G. (eds) *Velikie reformy v Rossii* [The Great Reforms in Russia]. Moscow: Moscow State University. pp. 90–105.
4. Zimin, I.V. (2014) *Lyudi Zimnego dvortsya. Monarkhie osoby, ikh favority i slugi* [People of the Winter Palace. Monarchs, Their Favorites and Servants]. Moscow: Tsentrpoligraf.
5. Dolgova, M.A. (2024) "Vezde dolzhna po melocham": ekonomicheskoe polozhenie freylin pri dvore Nikolaya I ["Must Everywhere with Trifles": The Economic Situation of Maids of Honor at the Court of Nicholas I]. *Vestnik Permskogo universiteta*. 1(64). pp. 83–92.
6. Bourdieu, P. (2002) Formy kapitala [The Forms of Capital]. Translated from French by M.S. Dobryakova. *Ekonomicheskaya sotsiologiya*. 3(5). pp. 60–74.
7. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1003. List 1. File 78.
8. Safronova, Yu. (2019) Milos' "vne ustanovlennogo poriyadka": strategii prositeley i otvet chinovnika (na primere Ministerstva imperatorskogo dvora. 1856–1861) [Mercy "Outside the Established Order": Strategies of Petitioners and the Response of an Official (Based on the Example of the Ministry of the Imperial Court. 1856–1861)]. *Filosofiya. Zhurnal Vyshey shkoly ekonomiki*. 3(2). pp. 158–188.
9. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 469. List 8. File 1423.
10. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 472. List 36 (235/1251). File 35.
11. The State Archive of the Russian Federation (GA RF). Fund 109. List 1868. File 37.
12. Muravlev, P.S. (2022) Fenomen korruptsii v zakonodatel'stve i vospriyatii rossiyskogo dvoryanstva vtoroy poloviny XVIII – pervoy chetverti XIX v. [The Phenomenon of Corruption in the Legislation and Perception of the Russian Nobility in the Second Half of the 18th – First Quarter of the 19th Centuries]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Ser. Istoriya Rossii*. 21(2). pp. 275–287.
13. Schattenberg, S. (2005) Kul'tura korruptsii, ili K istorii rossiyskikh chinovnikov [The Culture of Corruption, or On the History of Russian Officials]. Translated from German by M.G. *Neprikosnovennyi zapas*. 42(4). [Online] Available from: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/4/kultura-korruptsii-ili-k-istorii-rossiyskikh-chinovnikov.html?ysclid=m45srmhby892444100> (Accessed: 10th January 2025)
14. Korchmina, E.S. (2015) "V chest' vzyatok ne davat'": "pochest'" i "vzyatka" v poslepetrovskoy Rossii ["Not to Give in Honor of Bribes": "Honor" and "Bribe" in Post-Petrine Russia]. *Rossiyskaya istoriya*. 2. pp. 3–13.
15. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 472. List 6. File 74.
16. *The Russian Empire*. (1857a) *Svod zakonov Rossiyskoy imperii* [The Code of Laws of the Russian Empire] Vol. 10(2). No. 2225. St. Petersburg: Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery.
17. *The Russian Empire*. (1857b) *Svod zakonov Rossiyskoy imperii* [Code of Laws of the Russian Empire]. Vol. 10(2). No. 2229. St. Petersburg: Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery.
18. *The Russian Empire*. (1857c) *Svod zakonov Rossiyskoy imperii* [Code of Laws of the Russian Empire]. Vol. 10(2). No. 2230. St. Petersburg: Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery.
19. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 472. List 7. File 153.
20. Antonov, S. (2022) *Bankrot y i rostovshchiki Rossiyskoy imperii: dolg, sobstvennost' i pravo vo vremena Tolstogo i Dostoevskogo* [Bankrupts and Usurers of the Russian Empire: Debt, Property and Law in the Times of Tolstoy and Dostoevsky]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
21. Vilenskiy, B.V. (1969) *Sudebnaya reforma i kontrreforma v Rossii* [Judicial Reform and Counter-Reform in Russia]. Saratov: Privolzh. kn. izd-vo.
22. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 472. List 6. File 77.
23. Borisova, T. (2016) Public Meaning of the Zasluch Trial 1878: Law, Politics and Gender. *Russian History*. 43(4). pp. 221–244.
24. Paperno, I.B. (1996) *Semiotika povedeniya: Nikolay Chernyshevskiy – chelovek epokhi realizma* [Semiotics of Behavior: Nikolai Chernyshevsky – A Man of the Realist Era]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
25. Baberovski, I. (2008) *Doverie cherez prisutstvie. Domodernye praktiki vlasti v pozdney Rossiyskoy imperii* [Trust Through Presence. Premodern Practices of Power in the Late Russian Empire]. Translated from German by A. Kaplunovskiy. *Ab Imperio*. 3. pp. 71–95.
26. *The Russian Empire*. (1864) *Ustav ugovolnogo sudoproizvodstva* [Statute of Criminal Procedure]. In: *Sudebnye ustavy 20 noyabrya 1864 goda* [Judicial Statutes of November 20, 1864]. p. 116. Art. 959.
27. Dahlke, S. & Templer, B. (2012) Old Russia in the dock. The trial against Mother Superior Mitrofaniia before the Moscow district court (1874). *Cahiers du Monde Russe*. 53/1. pp. 95–120.
28. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 472. List 7. File 557.
29. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 472. List 10. File 6.
30. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 472. List 7. File 323.
31. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 472. List 7. File 420.
32. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 472. List 25 (390/1910). File 112.
33. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 472. List 7. File 793.

Сведения об авторе:

Долгова Мария Алексеевна – младший научный сотрудник Школы исторических наук, стажер-исследователь Института региональных исторических исследований Факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). E-mail: mariya.dolgova@hse.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Dolgova Maria A. – Junior Research Fellow at the School of History, Research Intern at the Institute of Russia's Regional History, Faculty of Humanities, National Research University "Higher School of Economics" (Moscow, Russian Federation). E-mail: mariya.dolgova@hse.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 02.06.2025; принята к публикации 15.11.2025

The article was submitted 02.06.2025; accepted for publication 15.11.2025